Рисунок Эдуарда Дудина

ГЛАВА 4
ПЛЕШИВЫЙ И ЗЕЛЕНЫЙ ДОГОВАРИВАЮТСЯ ОБ ОГРАБЛЕНИИ БАНКА

Солнечный свет полосами прорывался сквозь кремовые вертикальные жалюзи.

В просторной приемной ожидал всего один посетитель. В темно-сером безликом костюме. Этого все же оказалось достаточно для создания особой гнетущей атмосферы, некоего духа присутственного места с тихой вязкой духотой, запертой в четырех стенах. С прямой спиной он сидел на диване, невыразительными глазами изучая картину на противоположной стене. Смотрел он на нее снизу вверх, исподлобья, не поднимая головы, стараясь не менять позы, принятой изначально. На полотне, посредством которого неизвестный художник-модернист пытался выразить истерзанное мироощущение, среди россыпи различно окрашенных геометрических фигур выделялась аморфная желтая клякса. Подумать было над чем.

Рядом с диваном стояли телевизор и тумбочка со стеклянным графином, наполненным до горлышка водой. Сверху висел перевернутый круглый тонкостенный стакан. Большой платяной шкаф, для своих, и рогатая вешалка для одежды посетителей дополняли меблировку. У входной двери отстаивался еще один шкаф, больше похожий на горку для посуды, плотно наполненный папками, книгами и скоросшивателями. Все достаточно стандартно для чиновной приемной.

Казенный пейзаж оживлялся у широкого трехкамерного окна. Там за письменным столом у компьютера сидела Алла на фоне пробившихся наконец к людям света и зелени по ту сторону пыльного стекла. Ее окружал собственный рукотворный мирок из различных безделиц и вещиц, мухами облепивших серый корпус плоского монитора и стол. Стены вокруг нее были увешаны календарями и открытками. Остатки свободного пространства возле рабочего места заполняли те ненужные предметы, которые подчиненные и зависимые люди дарят начальнику или покровителю по различным подобающим случаям и на которые у того не хватило места в своем кабинете. Начальник угадывался за двустворчатой дверью, выпукло обитой дерматином и переполосованной ромбами обойными гвоздями с круглыми декоративными шляпками.

Алла, поддерживая выморочное состояние паралича в работе учреждения, изредка тихо щелкала мышкой, не отрывая глаз от экрана. Это был единственный звук, раздававшийся в кабинете. Ожидающий аудиенции даже не осмеливался ерзать.

Зазвонил телефон. Алла безошибочно выбрала трубку из трех возможных вариантов. Молча послушала невидимого собеседника, положила ее и сообщила деревянному посетителю, что скрытый за дверями Петр Кузьмич просил подойти через часик.

По выражению его лица трудно было определить, обрадовала или огорчила его новость. Но спина его несколько расслабилась.

— Хорошо, Аллочка. Я подойду. Если вдруг вызовут раньше, я у себя, — тихо промолвил чиновник и мягко прикрыл за собой дверь.

Оставшись одна, Алла закинула ногу на ногу, полюбовалась гладкой коленкой в припадке нарциссизма, сняла трубку и отстучала номер, оберегая острые ноготки.

— Светка, привет! Ну ты где, я тебя спрашиваю? Давай сейчас! Обед уже скоро, и у меня все пассажиры разошлись. Давай в «Елы-палы»! Выходи, я уже иду...

На втором этаже торгового центра она задержалась у входа в ресторан, осмотрев себя в огромном зеркале. Слава богу, погода почти наладилась, дождя нет — юбка, разрез, блузка, рюшки, босоножки, наконец. Все очень даже неплохо. Она поправила волосы, придав им объем.

Позади импровизированного плетня с чучелами куриц на верхней жерди демонстративно скучала над выложенными на дощатый стол руками Светка. Молодой кучерявый парень отделился от соседнего столика, подскочив, как на пружинах.

— Садитесь к нам! Тут и вид лучше. — Он весело улыбнулся Алле.

Его сосед тоже заулыбался, пододвигая свободный стул.

Алла, стрельнув глазами и молча оценив порыв кучерявого, прибавила медленный кивок головы, похлопала ресницами и устроилась напротив подруги.

Если не знать Светку, а Алла знала ее с первого класса школы, где они совместно мучились до окончания, можно было бы подумать, что она недовольна... На выбор: опозданием подруги, лаком для ногтей, местом встречи, обслуживанием, будущим вообще. Хотя последним — вряд ли. Так далеко она не заглядывала.

Ее глубоко запрятанный взрывной темперамент скрывался за слегка нахмуренными бровями и полуприкрытыми глазами, которыми она внимательно изучала свои хищные накладные ногти. Картина дополнялась слегка выпяченными губами, что придавало лицу обычную маску легкого утомления и недовольства. Ее расположение желающим требовалось зарабатывать.

— Пятнадцать минут, — вялым голосом сообщила она своим ногтям.

— Свет, я бежала. Ну все как обычно, в последний момент. Как всегда: соедини с тем, соедини с этим... Вечно неймется!

— Ладно, закажи что-нибудь. Я линзы не надела.

Алла приняла меню.

— Я на диете, — выдала последнюю новость Светка.

Подруга махнула рукой и, не глядя в карту, сделала заказ.

— Ребята за соседним столиком, — монотонно произнесла Светка, когда официант в красной с цветочными узорами косоворотке и скрипучих сапогах удалился.

— Да уж заметила, нетрудно было. Перебьются. Хотя моего Крокодила Гену пора и проучить. Все вечера где-то шляется... А ты, я смотрю, прямо настроена уже в «Палках» знакомиться, — засмеялась Алла. — Конкретно!

Светка не поддержала юмора, учитывая серьезность темы, и ответила неопределенным хмыком.

— У меня есть предложение получше. — Алла сделала паузу, завладев вниманием. — В общем, поехали на море!

Медлительная до момента принятия решения, Светка задумчиво сделала несколько движений длинными пальцами и ответила вопросом, не вдаваясь в собственные сомнения:

— А твой?

В ответ Алла сообщила, что собирается это проделать назло строптивому спутнику жизни. Необходимо на недельку вырваться из рутины жизни. Заметила, специально для Светки, что там-то, на горячих югах, выбор будет определенно получше, — пустила, для верности, в бой тяжелую артиллерию.

Она прекрасно знала все болевые точки подруги, повторяющие раскладку атласа эрогенных.

Томная Светка медленно поправила свою прическу. У нее наступил период жгучих вороных волос. Красиво покрашенных. Как она считала. На что и обращала внимание невнимательных.

— Надо отпрашиваться, — флегматично резюмировала она.

Работала Светка менеджером по рекламе в одном из глянцевых журналов для далеко продвинутых женщин. В редакции подобного печатного органа она была на своем месте, томно впаривая клиентам страницы журнала, любая из которых была рекламной площадью. То ли из-за ее обширных и постоянно пополняемых контактов из ухажеров, то ли само по себе так сложилось, — а

журнал был достаточно популярным, —рекламодателей хватало. Отбоя не было. Светка, безусловно, ставила это обстоятельство себе в заслугу, и на работе ее ценили.

— Так в чем же дело?

— А твой этот — ментокрылый мусоршмидт? — вновь погнала волну в адрес подруги Светка.

— Ты глянь, запомнила, а ведь он староват... Или — нет? — подначила Алла. — Кузьмич — душка. Отпустит. Если надо, я из него канат совью.

— Удавишься. Смотри, не увлекайся, — ответила на выпад Светка и, откинув голову назад и тряхнув распущенными волосами, свысока добавила: — А когда и куда?

— Тебе оставить? — продолжила пикировку Алла, имея в виду начальника. — Сейчас уточню у Кузьмича и — в Сочи. Самолетом. Я сегодня погоду смотрела.

— Когда вы только работаете? — вставила Светка.

Она всячески подчеркивала собственную загруженность при любом удобном случае, что не мешало ей постоянно развлекаться.

— Мы тут, в прямом смысле слова, прозябаем, — закончила Алла, оставив замечание без ответа.

Им принесли напитки и две большие тарелки для салатов.

— Пойдем отоваримся, — сказала Алла, и они поднялись.

— Надо бы сбросить пару килограммов...

— Куда? Поздно уже. И потом, тебе так идет. — Алла оценивающе скользнула взглядом по фигуре подруги. — Не заскучаешь!

Светка приподняла бровь и, заведя локон за мочку уха и покачивая бедрами, двинулась на телегу с салатами с тарелкой наперевес. Возвращаясь к столу, Алла позволила не теряющему надежды прыткому соседу отодвинуть стул и усадить ее.

— Смотри, — Светка кивнула в окно, заменяющее наружную стену. — Твой.

Облокотившись о поручень, Алла посмотрела вниз. По широкому мощенному плиткой тротуару сновали частью озабоченные, частью праздные прохожие.

— На стоянке, — скорректировала Светка.

Алла перевела взгляд подальше, за полосу редких молодых кленов — на карман парковки. Возле открытой передней двери стального цвета «мерседеса» стояли Зеленый и какой-то бритоголовый тип. Оба опирались руками о крышу машины.

— Этот уголовник-то на «мерине», — оценила Светка.

— Я и говорю, что шатается где-то постоянно. Хорошо, что с мужиками.

— Ты так считаешь? — протянула Светка язвительно. — Смотрю я, близко друг к другу стоят.

Пропустив удар, Алла ненадолго задумалась.

— Переговоры, наверное, — изрекла она после короткого молчания, в течение которого Светка выжидательно искоса поглядывала на нее.

— А чему он посвящает свой труд?

— Да какие-то водочники из регионов через него работают.

— Опасный бизнес... Сопьется.

— Что ты каркаешь!

— Ты же собралась уезжать? — обозначила удивление Светка.

— На неделю, — отрезала Алла. — На неделю ему будет полезно. Встряхнется немного. А то заработался.

— Это точно, может встряхнуться. В твое отсутствие. В квартиру-то попадешь по возвращении?

— Слушай, я тебе сейчас такую маленькую дырочку, — Алла показала возможные последствия на пальцах, максимально раздвинув указательный и большой, — в голове сделаю. От «Стечкина».

— Ваши ментовские шутки, — слабо прореагировала Светка. — В каких кругах ты вращаешься, — покачала она головой от безысходности.

— Язва ты, — попыталась подвести итог Алла.

— Да, мне палец в рот не клади.

— Да, на пальцы ты не реагируешь, — усмехнулась Алла.

— Какая ты все-таки гадкая... Фу! Ходят все, — продолжила сообщения Светка, не покидающая наблюдательного поста. — Ходят, бродят, на мой... тоску наводят.

— У кого что болит...

— Лысый ничего, колоритен. — Светка пошевелила губами. — Познакомь!

— Я его сама первый раз вижу.

— А ты узнай. Сделай для подруги, лучшей, доброе дело.

— Приедем — узнаю.

— Ну-ну. Я не забуду. Твердо решила?

— Это ты точно не забудешь.

— В машину сели, — прокомментировала Светка.

Алла задумчиво посмотрела в окно. Зеленого ей видно не было. Лысый повернулся к собеседнику вполоборота и закрыл обзор.

Светкин вопрос о том, что она придумала сказать насчет поездки своему, вернул Аллу к действительности.

— Поругаюсь. Все к тому идет.

— Ну что ж. Отдых может удаться. — Светка поводила плечами, словно разминаясь перед схваткой.

Пытаясь скрывать безотчетную настороженность, Зеленый тем не менее постоянно затравленно озирался, интуитивно ощущая на себе чей-то пристальный и заинтересованный взгляд. Но людской поток тек мимо по свои повседневным нуждам. Фланировавших в толпе каменного Коротких и ртутного Брюховца в кепке набекрень он в лицо не знал. Внимательнее он присмотрелся к наряду полиции, неприкаянно бродившему поодаль, но сотрудники правоохранительных органов явно маялись по прямым обязанностям общественной безопасности. Плешивый же приписывал его заметную нервозность состоянию стресса перед серьезным событием.

— Завтра в девять утра будут подвозить? Это точно? — переспросил он.

— В зале в это время обычно мало народу, — сказал Зеленый, стряхнув с себя паутину. — Главное — внезапность.

— Машина уедет сразу? — спросил для проформы Плешивый.

Он задумчиво водил пальцем по схеме банка, развернутой у него на коленях.

— Да. Их дело — сдать деньги... Брать надо внутри, когда понесут в хранилище. Это через весь оперзал. Вот сюда. — Зеленый показал заштрихованный прямоугольник на бумаге.

— Заносить будут в эту дверь? С фасада? — Плешивый остановил палец и, подняв голову, бросил взгляд через ветровое стекло на предполагавшийся к грабежу банк.

— Нет, сзади. Через эти двери нам надо идти. Видишь, стекла тонированные. Двойные. И тамбур. Так что снаружи ничего не будет видно. — Оба смотрели на вход в безмятежное кредитное учреждение. — Может, зайти, как считаешь?

— Нет, не надо. Лишний раз не будем светиться. Охранник один на входе?

— Да. Правда, тревожная кнопка у операционисток и в кассе, так что брать надо быстро.

— Да... Надо бы втроем идти... Третий нужен. — Плешивый воззрился на подельника. — Кто в машине останется?

— Рискнем! Другой случай может не представиться. Ребята волнуются. А машину можно оставить вон там. — Зеленый махнул рукой в конец квартала.

— Далековато. Прохожих много будет. Хотя это и к лучшему. Легче будет затеряться.

— Опасно, конечно, но не на стоянке же оставлять.

— Это верно, — согласился Плешивый и оглянулся на опущенный сзади шлагбаум.

— Дело стоящее. Три миллиона, — сказал Зеленый и пополировал заостренный кончик носа.

Плешивый внимательно посмотрел на него.

— Я помню. Схема соответствует? В смысле точности...

— Ребята срисовали, — уверенно сказал Зеленый.

— Их доля — на тебе, — напомнил Плешивый. — И чтоб вели себя хорошо. Без импровизаций.

— Как договорились, — развел руками Зеленый.

На том и расстались с подельником.

Дальнейшая судьба определилась точнее, так что Зеленого закрутило в круговерти предотъездных хлопот. После трудового дня он хоть и поторопился домой в надежде на восстановление порушенных мостов к сердцу своей прекрасной дамы, но очередной вечер проходил по заданной ею недавно программе.

Усилия по налаживанию отношений продолжались уже около получаса. Без видимого успеха. Зеленый все тридцать минут заходил с разных сторон, увиваясь, как кот, вокруг банки с недоступной, но очень желанной сметаной.

Объект его направленных усилий сидел с ногами на диване. На коленях у него лежал раскрытый свежий номер красочного журнала, в котором подвизалась стервозная Светка. Алла курила, выпуская дым в сторону. Сверху над ней склонился Зеленый, пытаясь заглянуть ей в лицо, скрытое упавшей челкой.

— Свежие сплетни с элементами никотина, — пошутил он, посмотрев на Аллины пальцы с отставленной в сторону тонкой сигаретой, которыми она с треском листала страницы журнала.

Шутка не прошла.

Малоубедительным тоном Зеленый не очень успешно убеждал себя в том, что скоро это дело закончится. Совсем скоро... И продолжил убеждение окружающих, почти искренне сожалея, что пока так получается, и не со всеми можно встретиться днем, ты же знаешь... И так далее...

— Ты и днем очень занят, — процедила Алла, озаботив телевизор сменой каналов. — Тебе как ни позвонишь, у тебя телефон выключен или недоступен.

— Я же на метро сейчас езжу. Ты же знаешь, машину в ремонт отогнал, — попытался оскорбиться Зеленый.

— Ездить надо спокойнее. Я тебе всегда говорила.

— Мы это уже обсуждали. Давай не будем! — Зеленый примирительно положил в очередной раз руку на плечо Аллы и погладил пальцами шею с выпиравшим позвонком.

— Тебя Светка видела днем с каким-то педиком лысым. Не закрывай мне свет! Не нависай! — Алла убрала руку с плеча, передернув им, как от электрического разряда.

— Странно тогда, что она обратила на него внимание, — отметил Зеленый, восстанавливая статус-кво на плече. — Это клиент. Я и вечером с ним встречался.

— Остался бы с ним ночевать.

— Очень смешно. — Зеленый вздохнул, выпрямился, потоптался немного и поплелся размышлять в ванную, но задержался в дверях, опершись плечом о косяк. — Я, между прочим, деньги зарабатываю. В том числе и на отпуск.

— Когда только? На пенсию ты зарабатываешь... Езжай с этим лысым! — предложила Алла, не представляя, насколько она близка к истине. — Отдохнете.

— Понесло... — Зеленый опять вздохнул. — Ну подожди чуть-чуть. Чуть-чуть! Не могу я сейчас.

— Что, занят он? — вставила Алла, шумно перевернув очередной лист.

Как заученную мантру, Зеленый повторил обещание скоро освободиться. Алла откинула журнал на диван и, подняв колени, уперла в них подбородок.

— Не освободишься, а откинешься ты скоро. А может, и не скоро... Смотря сколько дадут... С бизнесом твоим. Сама поеду тогда. Светка вон зовет. Путевка горящая пропадает.

Зеленый постоял, потолкал косяк плечом и пошел под душ.

Потушив сигарету, Алла закусила губу. Вообще, кто он такой? Разобраться бы не мешало. Что она о нем знает? Три месяца, два уже, правда, они живут вместе, и что? Недавно в Москве, а квартира уже есть... Ходит, как кот, где-то. С какими-то темными личностями общается. Деньги вроде немалые имеет. Она подспудно ощущала, что за кипучей деятельностью друга, как за двойным дном, что-то скрывается.

Посидев еще немного, она прислушалась к шуршащему шуму воды и решительно поднялась. Она решила попробовать раскачать скользкого Гену. Машинально оправила халатик, встряхнула головой и пошла в ванную. Открыв дверь, она сбросила его под ноги.

— К вам можно?

— Нет — нужно! — Зеленый отодвинул пластиковую штору и расплылся в улыбке, помогая ей забраться внутрь. Тесно прижавшись, они постояли под теплыми тугими струями.

Усталые, лежа в постели, также прижавшись, они закурили. Телевизор продолжал работать, неся свою вахту.

Зеленый поставил себе на грудь пепельницу.

— Смотри не промахнись, — пошутил он.

Алла устрашающе улыбнулась.

— Поставь пониже. Пытать сейчас буду. — Она подняла руку и направила сигарету горящим концом вниз, целя в Зеленого. — Кем ты работаешь? Не напрягайся, я все знаю. — Алла начала перебирать жидкие мокрые пряди волос Зеленого. — Будем говорить? Или в молчанку играть будем?

— Алла!

— Что Алла?! — Она с усилием затушила сигарету в пепельнице. — Слушай, ты хоть бы образцы этой своей водки принес, показал, что ли. Хотя бы раз!

— Ты же не пьешь ее! — Зеленый попытался взглянуть Алле в глаза, свернув шею.

Алла помогла ему, внимательно осматривая его лицо.

— С тобой начнешь, — наконец ответила она.

— А что, может, выпьем?! — Зеленый поцеловал Аллино ушко.

— Нет. Так где же ты работаешь?

— Ты же знаешь, что нигде, официально. Пока. Зачем мне это?

— Значит, не хочешь говорить? Запираться будем?

Зеленый переставил пепельницу на пол и, подскочив, начал хождение вокруг монументальной кровати. На манер задумчивой птицы-секретаря. Алла наблюдала искоса.

— Это тебя опять мама накрутила? — Зеленый остановился, потрепал волосы, сходил в ванную за полотенцем и начал энергично их вытирать, заполняя паузу. — Штамп в трудовой, штамп в паспорте. Да? — продолжил он, не дождавшись ответа.

— Ну, штамп бы тоже не помешал.

— Какой?

— В трудовой, Гена, в трудовой. Нужен ты мне, паспорт марать об тебя.

Зеленый прекратил тереть волосы и, отшвырнув полотенце, уселся на краю кровати.

— Я буду спать, — упредила его Алла и отвернулась к стене. — Погаси свет! И думай.

Зеленый нашарил под кроватью лохматую пыльную книгу. Перейдя в зал, он включил торшер и погрузился в кресло.

Алла прислушалась. К музыкальному центру он не подошел. Но зато, добавив пищи к размышлениям, раздался звонок.

Отдыхать после трудового дня Зеленому не пришлось: вызвал на встречу Валера. Который зачем-то повозил пассажира на своем такси по центру, пока не припарковал у тротуара на желтой зигзагообразной линии пустой в этот поздний час автобусной остановки возле подземного перехода. Фары погасли. Напротив, через дорогу, подсвеченная навесными фонарями на выдающихся вперед штангах, обозначилась вывеска «Второго постиндустриального банка». Клубы по различным интересам располагались чуть дальше, брызгая завлекающими огнями.

К машине вразвалку двинулся патрульный работник дорожной инспекции, накручивая полосатый жезл вокруг указательного пальца выверенными движениями руки. В ответ на его выпад такси замигало аварийными огнями. В салоне, освещенные светом вечерней иллюминации, сидели Валера и Зеленый. Оба закурили. Валера опустил стекло пониже, поджидая надвигающегося гибэдэдэшника.

Страж порядка и безопасности движения подошел к машине со стороны водителя и скороговоркой неразборчиво доложился. Из всего сказанного внятно было произнесено что-то о каком-то батальоне и документах.

— Сержант, я пассажира высаживаю, — ответил Валера.

Патрульный, выпущенный на подножный корм, был не в силах легко отказаться от кровных и более настойчиво потребовал документы, поведав о режимности правительственной трассы. Валера послушал его и показал краснокожее удостоверение. Сержант козырнул и несолоно хлебавши удалился, похлопывая полосатым жезлом о ладонь.

Валера выпустил дым ему вслед и повернулся к Зеленому:

— У нас в молодости говорили: «Мент гаишнику не кент». Ходят, деньги сшибают, пока мы с преступностью боремся, — подосадовал он. — Плешивый согласен? Не сорвется? — спросил он, ностальгические нотки в его голосе пропали.

— Можешь доложить шефу.

— Доложил уже.

— Разговора «о потом» не было еще?

— Нет. Так, вскользь упомянул.

— Надо поговорить.

— Поговорим. Сначала отвези меня домой.

Валера дернул щекой, уставился на огонек сигареты и отстрелял фразу:

— Скоро выборы. Весной. Городские... И в управу районную. В Бубырево.

Зеленый наклонил голову, выказав внимание.

— Нужен успех, — продолжил Валера. — То есть нужен Плешивый и его связи. Но главное... Нужен Дикобраз. Он нужен до выборов.

— В каком смысле? Он что — мешает волеизъявлению граждан?

Валера видимым образом не прореагировал. Или прореагировал. Он медленно повернул голову в сторону звуковых колебаний.

— Он решил, что он может поддерживать тех, кого считает нужным. Он должен понять, что так не бывает. Задача стоит так. Поставлена. Ясно? Материал на него нужен. В том числе от тебя.

— Ты хочешь сказать, что нас с Плешивым поймают, а организацию ограбления припишут Дикобразу? — Зеленый поерзал.

— Нет. Это неправдоподобно. И — мелко. Пристегнем Плешивого к нему. Попробуем наворотить побольше... Твоя задача — держаться возле Плешивого. Он должен вывести... Необходима четкая связь между Дикобразом и криминалом. То есть с Плешивым, в частности. Наверху принято решение убить двух зайцев. — Валера хмыкнул с присвистом и щелчком отстрелил окурок в окно.

— А ему сообщили, что он должен?

— Не понял? — с легкой угрозой произнес Валера. — По-моему, я тебе ясно объяснил все? Надеюсь, ты понял. И понял, откуда поставлена задача, кем? — Валера издал вопросительный звук.

Зеленый промолчал.

«Вылупился, как сыч», — подумал он.

Валера довернул голову, посмотрев в упор.

— Да. Я все понял. Сделаю все, что смогу.

— Не так, — веско изрек Валера.

— Я понял. Все сделаю.

Валера едва заметно удовлетворительно кивнул:

— Домой я тебя отвезти не смогу.

— Зачем тогда сюда привез? Не мог раньше сказать?

— У меня здесь клиент. Более дрожжевой, чем ты. От тебя чаевых не дождешься. Может, потом частью поделишься? А? Много, поди, вам будет на двоих? — Валера, не мигая, смотрел на Зеленого.

— Ты говоришь о премии? — усмехнулся Зеленый.

— Нет.

Они боролись взглядами. Валера победил, и Зеленый перешел на осмотр окрестных достопримечательностей.

— Ты, парень, помни, на чьи деньги жируешь. — Валера угрожающе навис над Зеленым. — Срастаешься с преступностью? На казенные деньги...

— Не на твои ведь.

— Считай, что на мои. Фонды я распределяю. По этой операции.

— Ладно, я пошел, — сломался Зеленый. — Пока.

— Себя береги!

Зеленый вылез из машины, захлопнул дверь и, уже направляясь к метро, пробормотал в тихом бешенстве:

— Варела, чертов.

ГЛАВА 5
ОГРАБЛЕНИЕ ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ

Утро ознаменовалось просветами в уходящих на восток тучах.

Прохожие повеселели, бодро перепрыгивая просыхающие на ветру лужи. Оставалось надеяться, что запоют птицы, но их просто не было. Каменные многоэтажки центра выдавили их в редкие островки еще не застроенной парковой зелени. Даже голуби куда-то подевались. Остались вороны. Они сосредоточенно потрошили целлофановые пакеты с мусором около грязно-салатных контейнеров на колесиках, которые подравнялись вдоль кирпичной стены здания «Второго постиндустриального банка», невдалеке от задней двери. На пешеходов и окружающую суету пробудившегося города вороны внимания не обращали. Несколько товарок, важно вышагивая и поблескивая боевыми клювами, патрулировали артельную территорию кормления. В зону их ответственности входила и небольшая стоянка для машин сотрудников банка. Огороженная низкой металлической оградой из прутьев, она оберегалась будкой охраны, похожей с виду на полевой сортир. За тонированными стеклами охранника видно не было.

Плешивый расположился неподалеку на лавочке в небольшом, вытоптанном до полного отсутствия травы палисаднике у единственного подъезда старого жилого дома. Он наблюдал за окружающей обстановкой. Сидел он уже около получаса, и вороны начали недоверчиво поглядывать в его сторону. Беспокоились за добычу. На бомжа он не был похож, но конкуренцию вороны интуитивно чувствовали.

В очередной раз почесав парик, Плешивый убедился, что он на месте. Шкиперская борода держалась лучше и вызывала меньше беспокойства.

Проехал грязно-желтый бронированный фургон с зеленой полосой и оранжевыми проблесковыми фонарями на крыше. Плешивый проследил, как машина остановилась у служебного входа в банк. Запахнув широкий светло-коричневый плащ, он пошел через узкий проход между высотными зданиями на улицу к главному входу. В арке, как в аэродинамической трубе, дул ветер, закручивая мусор в углублении стены. Пришлось беспрерывно почесываться, фиксируя парик.

Пожилой охранник в черной форменной одежде сидел за столом у входа и читал книгу. Плешивый прошел в операционный зал и направился к стеклянной, подкрепленной снизу деревянным барьером перегородке, отделяющей клиентов от работников банка.

Девушка опередила его:

— Здравствуйте. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Плешивый усмехнулся:

— Доброе утро. Можете. Если сможете.

Девушка усилила нажим на улыбку. Похоже, ее заработная плата каким-то образом зависела от клиентов.

— Могу я обменять доллары на евро? — спросил Плешивый и на всякий случай осторожно почесал голову.

Девушка радостно подтвердила возможность исполнения желаний.

Плешивый оглянулся, осматривая зал. Зеленый сидел у стенда с образцами каких-то документов и сосредоточенно шевелил губами. Он заполнял маленький бланк, манипулируя привязанной к столу шариковой ручкой. В другой руке он напряженно сжимал мобильный телефон. Растительностью на лице он тоже обзавелся.

Двое служащих банка в военизированной униформе — коротышка и дылда — появились из внутреннего коридора. Миновав барьер, они направились к центру зала, где находилась лестница, ведущая к хранилищу в подвале. Коротышка изогнулся дугой. Он надрывался, неся что-то вроде железного чемодана. Ноша была явно тяжела для него. Дылда выступал немного позади, взглядом гипнотизируя чемодан. Спуска в хранилище Плешивый видеть не мог из-за колонны, которая закрывала обзор.

Плешивый повернулся к девушке и просунул пачку долларов, перетянутых резинкой, в просвет под стеклом.

— В крупных купюрах, пожалуйста.

Положив телефон в карман, Зеленый поднял воротник пиджака, надвинул на глаза кепку и встал, сжимая бланк в руке. Двигаясь к стойке, он осматривал стену, обильно засеянную листками с разнообразной информацией, и как бы по рассеянности натолкнулся на коротышку, наступив ему на ногу. Выйдя навстречу друг другу из пункта А и пункта Б, они сошлись у лестницы,

ведущей в хранилище, где случилась точка пересечения.

Коротышка хотя и ожидал чего-то подобного, но тем не менее охнул от неожиданности и облегченно уронил чемодан. Он вцепился обеими руками в перила, ограждающие лестницу и, картинно сползая вниз, растянулся на полу у парапета. Зеленый вытащил из недр пиджака пистолет и резко нагнулся к чемодану. Его ручка была еще теплой от усилий инкассатора.

Дылда вышел из оцепенения и неуверенным движением нащупал пистолет, притороченный к поясу. Приняв боевую стойку с раздвинутыми ногами, он слегка присел, чтобы не стрелять выше цели, и в упор несколько раз разрядил пистолет в спину Зеленого. Тот невозмутимо выпрямился — вес он взял на пределе — и начал, вихляя, двигаться по направлению к выходу, оберегаемому побледневшим охранником. Судя по выражению его искаженного лица, это была дорога жизни. Дылда пальнул ему вдогонку еще несколько раз. Потом озабоченно осмотрел пистолет, заглянул внутрь ствола, даже дунул туда и бросил взгляд на удаляющегося Зеленого в неповрежденном пиджаке. Зеленый, балансируя чемоданом, не оборачиваясь, выстрелил назад, и дылда выронил изучаемый пистолет. Застонав, он скорчился и рухнул как подкошенный.

Сквозь пороховой дым Плешивый разглядел, что пожилой охранник у входа не захотел идти вторым номером и поднял руки вверх, пропуская Зеленого. Тогда Плешивый достал из-под полы плаща короткоствольный автомат и крикнул:

— Всем ни с места! Все — на пол! — и повел автоматом в стороны. — Живо!

Несколько человек по обе стороны стойки, доселе безучастно наблюдавших за происходящим на их глазах ограблением, послушно повалились на пол. Охранник, перенервничав, упал первым.

В этот момент в зал заскочили два парня в черных масках с прорезями для глаз. Новые посетители, видимо, потенциальные вкладчики, сжимали в руках автоматы.

Они посмотрели на бездыханных инкассаторов, охранника, лежащую вповалку клиентуру и Плешивого с аналогичным оружием. Один вновь прибывших сказал, оборачиваясь к кому-то невидимому за непрозрачной дверью:

— Здесь уже занято!

— Пошли дальше, — пробасил некий третий за дверью в ответ. — Опять прозевали!

— Что значит — опять? Кто так наводит?! — заорал второй из пары, бывшей в зале. — Кто?! — Он тоже обернулся назад к невидимому сообщнику. — Чьи люди, мля?! Твои, пидор?

— Его, — ответили из тамбура, переводя стрелки на соседа.

Неудачливые налетчики, распаленные разборкой, вышли. Из-за двери донеслись звуки короткой стычки без применения огнестрельного оружия.

Плешивый поколебался и шагнул от стойки, но вовремя одумался.

— Деньги гони! — обратился он к улыбчивой девушке-операционистке, пытаясь разглядеть ее под барьером.

Та высунулась из-за рабочего стола, натянуто улыбнулась и передала ему пачку евро. Плешивый звякнул дулом автомата о прилавок. Девушка помедлила и положила сверху доллары.

— Хороший курс сегодня, — оценил обменную операцию Плешивый.

После столь удачной сделки он, держа под прицелом зал, выскочил из банка и, размахивая автоматом, побежал к машине. По пути он обогнал Зеленого, который стремился в том же направлении, согнувшись под тяжестью чемодана. Лицо его было красным от натуги. Он изучал стыки тротуарной плитки.

Внезапно из банка раздался приглушенный вой сирены, и изо всех подворотен к нему понеслись милиционеры.

Одному из них Зеленый, не поднимая головы, судорожно махнул на ходу свободной рукой.

— Никого не выпускать! Оцепить здание! — донеслось до подельников.

Плешивый кинул автомат на заднее сиденье, подождал шатающегося Зеленого и помог тому поместить чемодан в багажник.

— Там менты, — показал большим пальцем назад Плешивый.

— Да, — констатировал этот факт Зеленый. — Да?! Дергаем тогда!

— Ага. — Плешивый захлопнул багажник, и они сели в машину. — Заедем только заправиться. Здесь недалеко.

Несколько прохожих из мгновенно сформировавшейся толпы показало им вслед пальцами. Зевак оттесняла развернутая цепь форменных милиционеров, деловито разматывающих ярко-желтую ленту, ограничивая место преступления. В пределах загона, маркированного лентой, расхаживали несколько человек в штатском и озабоченно разглядывали землю. Один из них, а именно матерый криминалист Палыч, нагнулся, поднял окурок и, внимательно осмотрев его, аккуратно поместил в предупредительно развер-

нутый Петей с ехидной улыбкой целлофановый пакетик. Коллеги-полицейские многозначительно переглянулись. Палыч даже удовлетворенно крякнул.

— Они туда побежали, — с болью в голосе проговорил лысый управляющий филиалом банка в смешном костюме в крупную клетку и обвел взглядом обступивших его полицейских.

— Разберемся! Найдут, — успокоил управляющего, видимо, старший, не удостоив его взглядом.

Перемещался он, выпячивая обширную грудь, стянутую мундиром, как корсетом, стараясь хотя бы уравнять ее в вертикальной плоскости с огромным животом. Проделывая это усилие, он слегка заводил руки назад, так что создавалось впечатление, будто он привык к тому, что его часто водили под руки.

С противоположной стороны улицы из своего такси за происходящим следил скрытный Валера, мысленно костеря жирного старшего — Кириллыча, который на подготовленной Валериным отделом почве рулил, плюсуя для своего отдела дополнительные очки в извечной борьбе подразделений за выслугу перед начальством. Разработка была связана с наркотиками, так что пришлось допустить самодовольного Кириллыча к потенциально золотоносному, в плане наград и прочих благ, делу.

— Рулеткой перемерь! — обратился пузатый Кириллыч, с удовольствием командуя птенцами Валериного гнезда, к Леве, аистом вышагивающему вдоль тротуара в пределах запретной зоны, ограниченной лентой.

— Ну куда он пошел?! — простонал, воздев руки, управляющий.

На ступени перед входом в банк высыпал персонал. Прохожие, продолжающие идти по своим делам, обходили место событий по газону.

На носилках, под управлением четырех полицейских, пронесли недвижимых коротышку и дылду. Оба приоткрыли глаза и, оценив обстановку, вновь закрыли их.

Передача тел гражданским лицам состоялась за пределами периметра. Там, у кареты скорой помощи, переминались дюжие медбратья, напоминающие костоломов.

— К нам пусть везут! — скомандовал Кириллыч, потирая руки.

— В морг, так в морг, — прокомментировал на ходу трудолюбивый аист Лева.

Теперь он двигался удлиненными до метра шагами в сторону дороги — рулетки у него не было. Через минуту старательный аист-землемер вернулся обратно с тремя черными масками. Он натянул одну на руку и продемонстрировал, проткнув пальцами, прорези для глаз.

Кириллыч, покачиваясь на каблуках, покивал.

— Голова, Лева. Дом советов! Где нашел?

— В кустах. За пределами зоны, — подчеркнул веско Лева.

— Отлично. Расширить поиски! — скомандовал Кириллыч. — Приобщи!

— Они без масок были, — попытался привлечь внимание управляющий. — И потом — их двое было. Извините, как вас по званию? Один был с бородой, другой — в кепке. И тоже с бородой.

— А маски?

— Масок не было...

— А это что? Вы лично их видели? И потом, откуда вы знаете, что их было двое? Откуда сведения? — Кириллыч подозрительно уставился на управляющего. — А может, их ждал третий?

— Маски... — пролепетал управляющий. — Но масок ведь не было. Я как раз в зал выходил, — уже неувереннее сказал он.

— Так, свободен. Пока... — И управляющего слегка подвинули к ступеням усердные полицейские из охранения.

— Как резинка от трусов, — конкретизировал Палыч. — Кириллыч, обрати внимание, — сказал он, слегка тронув старшего за локоть.

К ним подошел собиратель окурков Петя. Кириллыч оживился. Он отвел одну руку чуть дальше назад, и Палыч вложил в нее лупу.

Окурок рассмотрели по очереди.

— С ними была женщина? — обратился через плечо к управляющему Кириллыч.

— Нет. А что?

Троица снисходительно переглянулась.

— На окурке следы помады.

— Надо спросить у людей, — предложил управляющий. — Но ведь здесь улица и может быть много мусора, — спохватился он.

— Спросим, — заверил Кириллыч, санкционировав помещение окурка обратно в пакетик. Что было исполнено Палычем со всей осторожностью. — Так, народ — в помещение! — скомандовал Кириллыч, отслеживая криминалистическую процедуру.

Охранение азартно принялось загонять персонал внутрь. Не минула чаша сия и управляющего.

— Надо же догонять! — пытаясь упираться, сделал он очередное предложение.

— Всему свое время, — философски обронил Кириллыч. — Сфотографируй все, Палыч.

Во исполнение указания криминалист извлек мобильный телефон и принялся за работу.

— Но надо же быстрее! — продолжил назойливый управляющий в дверях и поднялся на цыпочки, пытаясь бросить взгляд поверх милиционеров. Его оттесняли внутрь. — Быстрее! Надо же выслать погоню! Вы же милиция или где?

Старший по расследованию злобно уставился поверх родных сизых фуражек. Управляющий отчаянно пытался закрепиться на последнем рубеже у входа в свой филиал.

— Так. Кто его выпустил? Снять у него отпечатки пальцев. Палыч!

— О-о-о, — простонал ничего не понимающий управляющий, и его накрыло серой волной мундиров.

— Так, план «Перехват», — сквозь зубы проговорил в рацию Кириллыч.

— В работе, — донеслось оттуда, перемежаемое грозовыми раскатами.

Кириллыч поморщился, отдалил чуть рацию от уха и бросил:

— Продолжайте!

Мимо белого с синей полосой милицейского патрульного «фольксвагена», припаркованного во втором ряду у съезда на Бульварное кольцо, пронесся стальной «мерседес». Автомобиль с визгом свернул на бульвар, распугав пешеходов на «зебре».

Сидящий за рулем Коротких достал рацию, постучал ею для профилактики о приборную доску, послушал в ней чего-то и передал внутрь по инстанции:

— Шеф, все в порядке!

— Действуйте! — последовала исчерпывающая инструкция.

Через некоторое время «мерседес» пронесся вновь, свернув направо. Видно было, как Зеленый в машине показывал пальцем прямо.

Коротких опять постучал ударопрочной рацией о приборную доску, вслушался в нее, как в морскую раковину, и с усталым лицом передал ее напарнику. Брюховец хрястнул рацию с размаха о каску, которую держал на коленях, и, победно улыбаясь, возвратил устройство связи.

— Все нормально, шеф! — смог доложить после экзекуции Коротких.

Когда через какое-то время «мерседес» еще раз проскрипел тормозами, сворачивая мимо патруля, Коротких только пожал плечами и посмотрел, ища поддержки, на Брюховца. Рацию он подбрасывал на ладони, словно обдумывая, куда ею приложиться.

ГЛАВА 6
СТРУКТУРЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Начальник всегородского Управления по борьбе с организованной преступностью города Мужиков сидел в своем кабинете на Педровке. Тяжелая темная мебель, ряды стульев вдоль боковых стен. Высокое кресло Мужикова нависало над огромным т-образным столом на фоне карты Москвы, расположенной под гербом города и портретом градоначальника. Боковые панели кабинета, все без остатка, были оккупированы плакатами с графиками, диаграммами и чем-то вроде стенных газет.

Подчиненные, злословя в курилках, называли эту наскальную живопись кривыми повышения удоев.

Крупная, с глубокими залысинами голова Мужикова дополнялась огромными ушами, широким фронтом обороняющими фланги. Эта похожая на спутник конструкция, свысока оглядывая местность локатором, поворачивалась от одного посетителя к другому, бегающими глазками сканируя их лица.

По бокам стола для заседаний, напротив начальника, сидели угрюмый Валера и довольный Кириллыч, вернувшиеся с успешно отработанного места преступления. Как Валера ни торопился, первым у начальства ему не удалось быть. Мигалка на такси у него не стояла.

Мужиков коротко улыбнулся, обозначая окончание доклада.

— Отлично! Отлично! — Он потер руки. — Значит, состоялось, Кириллыч? — обратился он к старшему на выезде.

— Оторвались, Семен Януариевич, — ответил тот. — Люди доложились.

— Так-так. Валера, какие планы? — Голова Мужикова обратилась к псевдотаксисту.

— Зеленый работает нацеленно, Семен Януариевич. Я с ним все проработал. Работа по связям Плешивого, выход на Дикобраза.

— Так-так, отлично. А этот Зеленый твой, он что — новичок? Как фамилия?

— Да, в общем-то, новичок. Фамилия его — Махонин.

Валера неведомо откуда извлек коричневую папку из кожзаменителя с растрепанными ботиночными тесемками в тон, но доложился, не заглядывая внутрь.

— Взяли мы его почти год назад из Волгограда. Собственно, в перспективе под это самое

дело. Я имею в виду — выборы... Сейчас задействовали. На связи он со мной. Молод, но достаточно сообразителен. Окончил там Высшую школу милиции.

— Идиот, — веско добавил Кириллыч, не глядя на Валеру.

— Значит, куют кадры еще, — невпопад поразмыслил Мужиков.

— Может, и идиот, — подтвердил Валера, — но тут такого достаточно. Его задача — быть рядом с Плешивым, войти в контакт и докладывать. Все! — сообщил Валера Кириллычу и воззрился на него, набычившись. — С этой задачей он справится. Остальное — наша забота.

— Да-да, Кириллыч. Не гони волну! Этого достаточно, — успокоил Мужиков, гася постоянную ревность подразделений. — Вопросы будем решать по мере их поступления. Их и так много ставят. Мозгов много не надо. Много думать не есть хорошо. Здесь... И так рискуем. Мы, подчеркиваю, рискуем. Задачи ставить легче. Так вот! — закончил он туманную для непосвященных тираду, хлопнул ладошкой по столу и еще раз пробежался пронизывающим взглядом по подчиненным.

Народ безмолвствовал.

— Выборы скоро уже. Успеем ли? — не унимался Кириллыч. — Я в этом смысле.

— Не беспокойся, — ответствовал Валера. — Здесь уже мы будем работать. — И он криво усмехнулся, акцентируя слово «мы».

— Как этот Зеленый? — отвлек его Мужиков. — Деньги, кстати, большие.

— Никуда не денется от нас, — заверил Валера. — Что касается денег, то еще раз повторю, — Валера зыркнул на Кириллыча, — на меньшую сумму Плешивый не пошел бы. Семен Януариевич, крючков хватает. Держим крепко. Я по нему давно работаю. Все будет хорошо!

— Вот и отлично. Вообще, — Мужиков почесал кадык, — этот Плешивый — крупная птица. Все так говорят... У нас в управлении.

— Может, взять надо было? — с отсутствующим видом промолвил Кириллыч.

Валера напрягся. Мужиков вздохнул и показал на красочную диаграмму в ближайшем к столу простенке.

— Ты лучше о проценте раскрываемости думай. На круг! Голова с нас головы снимет. — Все посмотрели на картину, изображавшую главу города на заседании партхозактива. — Знаешь ведь, какая обстановка. Терроризм еще этот. Что он, — Мужиков погрозил слегка пальцем, — Великому и Ужасному скажет? — и обратил внимание на неизменно строгий портрет, интимно пристроенный на боковом столике за обоймой телефонных аппаратов. — В общем, о проценте думай, — подвел итог отповеди Мужиков.

— Да как, если не брать? — погоревал напоследок Кириллыч.

— Потом больше возьмем.

Дверь в кабинет тихо приоткрылась. Из-за нее показалась подобострастная голова помощника с зализанными на лоб волосами.

— Товарищ генерал, вас вызывает Петр Кузьмич.

— Ого, так скоро! Ну что ж. Машину к подъезду! — приказал Мужиков голове, и она скрылась. — Посмотрим еще разок, — с предвкушением сказал он.

Выбравшись из кресла, он перестал возвышаться над Валерой с Кириллычем, и оказался невысокого роста. Прытко подбежав к схеме банка, вывешенной на стене, он осведомился, показывая на красные крестики, нанесенные на план:

— Доказательств достаточно?

— Да, Семен Януариевич, все собрали, — ответил Кириллыч, еще более выпятив грудь, и глянул на Валеру. — Готовились!

Они обступили Мужикова сзади.

— Ребята Вареника приходили после втроем, — продолжил рапорт Кириллыч.

— Так-так, — заметно любуясь чертежом, ответствовал Мужиков. — Утечка? — обеспокоился он вдруг.

— Нет, не думаю. Ходят они везде.

— А...

— Наследили они там, в масках. Подали их в розыск, — доложил Кириллыч.

— А то их раньше не искали, — съехидничал Валера.

Мужиков оглянулся на него:

— А кто их ведет?

Валера понял, что перегнул, слегка потупился и короткими движениями рук и головы вернулся в поле корпоративной солидарности.

— Ладно, — одобрил Мужиков, прищурив один глаз. — Беда прямо с вами. Пошли! Надо доложиться. Если что — выходите звонком!

Пересекая приемную, они обросли клевретами. В коридоре Валеру ожидали Коротких и еще несколько подчиненных. Рядом отирался засмоктанный помощник с папкой красного цвета, на которой читалась золотистого тиснения надпись «На доклад».

Мужиков остановился, обращаясь к помощнику:

— Где машина?

— У подъезда, — ответил Коротких, широко улыбнулся и попытался спрятать руки за спину.

Мужиков жестом выдал указание Коротких сопровождать его, резко развернулся к сгрудившимся позади Кириллычу и Валере со товарищи. Он поднял правую руку перед прощальной напутственной речью. Но тут его лицо на короткое мгновение застыло, чтобы исказиться угрожающей гримасой.

Он выбросил указательный палец вперед по направлению к двери в собственную приемную. Соратники несколько отпрянули и расступились. Помощник разместился в задних рядах. В центре внимания оказалась новая латунная табличка у дверей в кабинет.

— Кто это ваял, я спрашиваю? — продолжая указывать на табличку, осведомился стальным голосом Мужиков.

Табличка гласила: «Начальник Управления по организованной борьбе с преступностью».

Расшевелить никого не удалось.

Мужиков буйствовал в течение всего пути к машине по коридорам управления. Свита проводила начальство до лифта. Потом еще некоторое время прислушивалась к воплям из спускающейся кабины, которые пришлось принять на себя Коротких.

Во дворе Мужиков погрузился в черный представительский автомобиль, украшенный голубыми номерными знаками, синей и красной мигалками, штандартом цветов государственного флага на ветровом стекле и увешанный антеннами, как еж. Коротких, повинуясь отмашке, проследовал в джип сопровождения.

До мэрии донеслись быстро, раздвигая волнами потоки машин от осевой.

Дверь в приемную Петра Кузьмича отворилась, и на пороге появился Мужиков под конвоем Коротких.

Алла поднялась из кресла, откинула легким движением ладони прядь волос и проворковала:

— Семен Януариевич, мое почтение. — Она вышла из-за стола. — Прошу вас, проходите, Петр Кузьмич ждет вас! Товарищ генерал тоже скоро будет, — предупредила она и обратила внимание вошедших на строго одетого молодого человека, который сидел на диване и, похоже, силился проникнуть взглядом сквозь дверь кабинета напротив. — Вот человек от него подошел.

Мужиков скривился — человек не переменил позы — и в последний раз раздраженно оглянулся на Коротких.

— Перевесим, — мягким, успокаивающим тоном психотерапевта произнес Коротких. — Досадное недоразумение.

— Жди меня здесь, Василий! Алла, вы, как всегда, неотразимы, — сменил голос на елейный Мужиков.

Вздохнув от необходимости уходить, он исчез за дверью. Через секунду он выглянул и обратился к Алле со слегка вымученной улыбкой:

— Аллочка, Петр Кузьмич просит чайку для нас.

Алла захлопотала у электрического чайника, собрала поднос.

— Да вы садитесь, — обратилась она к Коротких, заполняющему собой приемную.

Тот осторожно опустился на диван. Повертел головой, скосив глаза на непроницаемого вида представителя конкурирующей структуры, и тоже стал смотреть на дверь, осторожно прислушиваясь. За дверью пока было тихо.

Алла, осуществляя эквилибр подносом, впорхнула в кабинет начальника.

Петр Кузьмич расхаживал по кабинету. Это был лощеный седеющий мужчина лет шестидесяти, в прекрасно скроенном, по фигуре, глубокого синего цвета костюме. Он курировал правоохранительные органы, возглавляя департамент, посвященный этим вопросам, при аппарате городского правительства. Вес его в системе местной власти был высок — в силу его положения конфидента высшего руководства.

Алла подошла к овальному столу, у которого сидел Мужиков, и поставила чашку, держа ее за блюдце, миниатюрную сахарницу, тарелку с печеньем. Затем она под кроличьим взглядом Мужикова зашла с рабочей стороны огромной лакированной столешницы из красного дерева. Подложила картонный кружок под блюдце и осторожно поставила прибор.

— Да, Аллочка, возьми там бумаги отработанные, пожалуйста. — Голос Петра Кузьмича рокотал мягким поставленным баритоном.

Алла переместилась к краю стола, нагнулась и вынула из нижнего лотка этажерки стопку бумаг. Степенно приблизившись, Петр Кузьмич подал Алле еще пару бумаг с прикрепленными степлером маленькими листками поручений. Алла улыбнулась в ответ и проследовала к выходу. Она знала, что работает для благодарной аудитории.

Мужчины проводили ее взглядами.

— Итак, — произнес Петр Кузьмич, и Мужикову пришлось оторваться от закрывшейся за Аллой двери.

Петр Кузьмич походил еще немного, провожаемый перископом головы Мужикова, сел поудобнее в кожаном кресле с деревянными подлокотниками, откинулся и поощряюще улыбнулся. Не мигая, он уставился на Мужикова.

Тот сглотнул слюну и произнес:

— Петр Кузьмич, мы внедрили своего человека... Вы знаете, я докладывал. Мы полностью контролируем ситуацию. Их ни на минуту не упускают из виду. — Мужиков потер ладонью лоб и, довольный, продолжил: — Все идет по плану... Важен конечный результат, итог, — многозначительно добавил он. — Это ограбление — вынужденная мера. Другого пути не было. Вы же говорили, что перед выборами неплохо было бы раскрыть какое-нибудь крупное дельце.

— Что вы хотите этим сказать? — резко осведомился Петр Кузьмич. И привычно осмотрел потолок на предмет «жучков».

— Да так, ничего. Я, в смысле, — двух зайцев убьем. Дуплетом.

— Из пистолета? — лукаво осведомился Петр Кузьмич. — Из ПМ? — уточнил он.

— Мы выйдем на Дикобраза, — растерянно ответил Мужиков.

— Семен Януариевич, вот этим и надо заниматься, — мягко сказал Петр Кузьмич. — Это и есть крупное дельце. Мне нужен этот Ежевский. Так, чтобы он никому больше не мешал. А какие там грехи вы у него найдете, в рамках закона и конституции, конечно, меня не интересует. Подойдет все — от растления малолетних до зеленого знамени. Хотя с этим, конечно, горячиться не надо. Вы ведь знаете, как работать надо, не первый год уж разруливаем процессы? Вы ведь и дальше хотите этим заниматься, не так ли? В команду, я имею в виду, войти. По результату. Ведь будет некоторый пересмотр. По заслугам, так сказать.

— Угу, — промычал Мужиков. — Петр Кузьмич, мы выйдем на него!

— Ну что ж, полиции, как говорится, и карты в руки. Вам виднее. Я во всем полагаюсь на вас, — переложил ответственность Петр Кузьмич. — Порешать надо этот вопрос. До выборов, — отчетливо подчеркнул он.

Он протянул руку к микшерскому пульту селектора, усеянному кнопками, и придавил ту, что загорелась.

— Петр Кузьмич, товарищ генерал подошел, — донеслось из недр аппарата.

— Ждем.

Петр Кузьмич вторично нажал кнопку.

Дверь распахнулась. В кабинет вдвинулся вытесанный из дуба рослый мужчина. Одними надбровными валиками он затмевал Валерину челюсть. С порога он в упор враждебно уставился на Мужикова и пошел прямо на него.

У Мужикова, судя по выражению лица, возникло желание провалиться сквозь паркет. Его беспрестанно бегающие в пределах орбит глазки наконец остановились на кузнечном прессе, неумолимо надвигающемся на него.

— А чем нас порадует отдел секретных операций? — спросил вошедшего Петр Кузьмич, спасая Мужикова по крайней мере от мгновенной смерти. — Юрий Владимирович?

Начальник отдела секретных операций городского управления службы по безопасности Иванов-Неизвестный с трудом сменил программу и оторвал взгляд от бледного лица жертвы. Почему он был кроме Иванова еще и Неизвестным, никто не знал. Уверенности, что это фамилия, а не кличка, не было. Ходила, в определенных кругах, даже шутка, что всех, кто знал, уже убрали.

Иванов-Неизвестный не удержался, сделал еще два шага и наступил коротышке Мужикову на ступню. Тот подергался, но вытащить ногу не смог. Иванов-Неизвестный, удовлетворенно наблюдая напрасные потуги боевого товарища, пробасил:

— Мы надеемся первыми доложить об успехе. Пусть это ограбление вас не беспокоит. Все под контролем! Наши люди работают на выявление всей сети. Приобретение наркотиков, каналы передачи, сбыт. Материала будет достаточно. Операция отрабатывается детально. Я надеюсь выйти нацеленно на самого Дикобраза. Первым!

— Говорите тише, Юрий Владимирович, — поспешно попросил Петр Кузьмич. — Именно он нам и нужен. Эта личность просто зарвалась. А ведь мы дали ему заработать... Вообще непонятно, кто его привел? — Петр Кузьмич пожал плечами, явно работая в чужом образе.

— Скоро он будет сидеть здесь, — заверил секретный отдел.

— Да нет, здесь как раз не надо, — улыбнулся Петр Кузьмич. — Пусть в камере посидит. Как там у вас говорят: «Если надо, то и расстреляем»? — Петр Кузьмич снова улыбнулся, потер ладони и перевел взгляд на Мужикова, лицо которого в течение всего диалога искажалось гримасами болезненных улыбок.

— Пятнадцать лет расстрела, — попытался поддержать шутку Мужиков.

— Садитесь, Юрий Владимирович, — попросил Петр Кузьмич. — Чайку, — утвердительно предложил он.

Иванов-Неизвестный оторвался от съежившегося конкурента и опустился на стул напротив.

Понятливая Алла внесла еще одну чашку.

— Петр Кузьмич. Мы тоже... Да! Всех брать будем, — прерывисто дыша, выговорил Мужиков. — Этого Ежевского мы нейтрализуем. У нас план, — многозначительно добавил он, и его лицо приняло идиотское выражение.

Он разрывался между двумя объектами. Алла явно привлекала его больше, что откровенно веселило хозяина кабинета. Но он все же вынужден был отправить секретаршу. Алла обошла генералитет и, покачивая бедрами, вернулась в приемную.

— Ну что ж, — продолжил Петр Кузьмич. — Семен Януариевич! — Мужиков мобилизовался. — Я думаю, некоторый параллелизм в какой-то мере даже будет полезен в таком крупном и важном деле. Но помните — скоро выборы! Скоро! Нужна победа... Нам, — выделил он, — нужна победа. Наша победа. Это зависит и от вас. Помните это. Я надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю? И можете оценить последствия.

Генералы утвердительно кивнули.

— Вот и хорошо. Вы знаете, что я возглавляю предвыборный штаб по выборам в городские управы. Кроме того, я буду лично курировать эту операцию. Мне это поручено, — поделился сокровенным Петр Кузьмич и несколько распух от гордости.

Он посмотрелся в зеркало в глубине шкафа, поднялся из-за стола и подошел к окну.

Внизу расстилалась панорама города. В каменных берегах текла Москва-река, стянутая для крепости мостами. Разнообразные лоскутные крыши покрывали хаотично разбросанные строения. Напротив белел огромный Дом правительства.

— До последнего момента все должно оставаться на уровне города. С руководством своим проработайте. Но — осторожно! Ориентируется оно часто туда, — и Петр Кузьмич нижней челюстью указал на Дом правительства. — То есть не туда, куда ему следует. На двух стульях пробует усидеть. В общем, сами все знаете, — он обернулся к аудитории. — Этому колючему товарищу никто не должен помочь, — веско отчеканил Петр Кузьмич и поправил жалюзи, заслоняясь от огромного здания. — Со всеми, кто нам мешает, разговор еще будет!

Он указал на портрет городского головы рядом с президентским и дополнил:

— Шанса на неуспех у нас нет. Наши заручились поддержкой на самом верху. Выйдет закон, очень скоро, Дума поработает — чего ей не поработать, — и еще на один срок можно будет избираться в районную управу в Бубырево. А те, кто думал иначе, — возвысил Петр Кузьмич голос до трибунного, — сядут в лужу! Или подальше! Мы им поможем... Понять их заблуждения...

Возвращаясь к столу, в полной тишине он прибавил:

— Ваше будущее — в ваших руках... Можете идти, — разрешил Петр Кузьмич и сел в кресло, демонстративно углубляясь в бумаги.

— Есть! — дружно ответили борцы с преступностью.

Иванов-Неизвестный кровожадно улыбнулся конкуренту и первым поднялся. За ним на без-

опасном расстоянии, прихрамывая, побрел Мужиков.

В приемной встречающие уже стояли навытяжку, услышав скрип открывающейся внутренней двери переходного шлюза. Вторая дверь открылась, и в проеме показался Иванов-Неизвестный. Он ухмыльнулся Коротких.

Когда структуры безопасности удалились, появился колченогий Мужиков. Носок его правого ботинка был заметно деформирован попаданием под асфальтовый каток. Коротких вздохнул и вытянулся. Помочь он не смог. Миссия оказалась невыполнимой.

Алла решила оставить их наедине и тихо удалилась за чайными приборами. Петр Кузьмич лежал в кресле после проведенного объема работ, общаясь по телефону. Он оторвался на секунду от трубки:

— Аллочка, давай порешаем вопросы, а то мне надо отъехать скоро. Всех ко мне!

— Чайку-то выпьете на дорогу? — искусила Алла.

Петр Кузьмич согласно опустил веки.

Вызвав четверых сотрудников, ожидающих аудиенции второй день, Алла вновь захлопотала вокруг неутомимого чайника.

В кабинете же воцарилась атмосфера вершения великих дел. Петр Кузьмич, закатив глаза, отрывисто кидал фразы в телефонную трубку. Подчиненные по очереди подходили, наклонялись поближе и шептали на ухо. Трижды последовал легкий кивок с закрытием глаз, дважды — на устную речь, один раз — на бумагу. Кроме того, один чиновник в ответ на поднесенную бумагу был окормлен неразборчивым звуком.

Поманив пальцем еще одну бумагу, Петр Кузьмич, не отрывая трубку от уха, вытянул губы и покачал головой. Затем он несколько возвысил указательный палец, обозначая окончание процесса. Чиновнички засобирались. И в это время зазвонил красный телефон прямой связи с золотым гербом города на передней панели вместо цифрового диска.

Бросив первую трубку, не оканчивая разговор, Петр Кузьмич схватил красную, дернувшись, будто она была раскалена. Лоск его потускнел.

— Да! Да! Жду! Соединяйте...

Он махнул подметающим движением, и подчиненные, теснясь у выхода, застремились разом пройти в игольное ушко. Алла внесла поднос с чаем.

Петр Кузьмич потел и кивал трубке, как китайский болванчик:

— Здравствуйте, Савелий Степанович! Да. Работаем. Сделаем. Да. Стараемся. Как раз...

Алла поместила чашку перед шефом.

— На Ежевского... — выдавил из себя в этот момент Петр Кузьмич.

Слышно было, как на другом конце провода усилился шум. Трубка, видно, еще повысила градус, и Петр Кузьмич воспалился, став красен как рак. Шум внезапно прекратился. Петр Кузьмич подержал еще немного трубку и осторожно, как фарфоровую, положил на рычаг.

— Я на Тверскую, срочно!

Алла понимающе кивнула и заспешила к средствам связи для вызова транспорта. После проводов шефа она задумалась, восстанавливая в памяти, что она слышала о Ежевском на принесенном Геной диске. Спровоцированные услышанным, все недавние мысли вновь полезли в голову. О непонятном поведении или непонятной деятельности Гены. Работой это почему-то не хотелось называть. Продолжая размышлять, она философски отнеслась к тому, что Петр Кузьмич быстро вернулся с проработки. Хотя подобной подлости она от него не ожидала.

Красные цвета спектра на лице Петра Кузьмича сменились какими-то багровыми, с сиреневыми отливами на щеках. Алла молча отнесла ему реабилитационный чай. Раскладывая пасьянс на компьютере, она набрала Светку и договорилась с ней встретиться. Надо было перекинуться с кем-нибудь.

Внезапно в приемной тихо и незаметно образовался новый посетитель. Алла улыбнулась ему.

— Господин Двуппер, прошу вас.

Посетитель совершил несколько колебательных движений и затем приблизился. Он был приземист и плотен до квадратизма, с большими глазами навыкате под толстыми линзами роговых очков.

— Алла, я же просил, умолял вас. Просто Михаил Маркович! Зачем этот официоз? Я же прост, как правда!

— А ее что — еще издают? — пошутила Алла.

— Сейчас все можно издавать, Аллочка. Даже «Правду». Но это сейчас не по моей части... А откуда вы узнали, что я там работал?

— А я и не знала. Так, пошутила просто.

— Молод, знаете, был, — тем не менее посчитал нужным оправдаться журналист. — Рупор Центрального комитета коммунистической партии, однако. Другие времена... Да, так вот. — Двуппер почесал спину. — Но сейчас я представляю другой орган.

— Читаем, читаем, Михаил Маркович, — радостно сообщила Алла.

— Это правильно, — похвалил Двуппер. — Мы там иногда такое заворачиваем...

Он опустил объемистый портфель на стул, порылся в нем и достал оттуда авторучку.

— Вот, «паркер» для вас. Ездил в Австрию.

— Спасибо, Михаил Маркович! Никогда не забываете, — Алла улыбнулась. — Что — вызывал?

— Да. Просил зайти, — уточнил Двуппер.

— Неужели интервью будете брать?

— А что, и Петру Кузьмичу пора в публичную политику? — в тон поддержал беседу журналист.

— Сейчас доложу.

— Об этом?

Алла улыбнулась и поколдовала над селектором.

— Петр Кузьмич, к вам журналист Двуппер. Прошу вас, — обратилась она с улыбкой к работнику пера.

Готовой улыбкой она встретила труженика газеты через два часа, когда тот, неся портфель перед собой, покинул наконец кабинет.

— Даже чаю не попили, — протянула расстроено Алла.

— Видите, какая запарка, — неопределенно высказался Двуппер.

— Работаем, Михаил Маркович.

Двуппер поставил портфель на стул, покопался там, вздохнул и закрыл его.

— А у вас, я смотрю, быстро дела идут...

Алла согласилась, решив не спорить.

— Выборы вроде далеко, — продолжил прощупывание Двуппер утвердительными фразами.

— Чего ж далеко? Восемь месяцев, — ответила Алла и закрыла на экране окно с пасьянсом, так как журналист навалился на стол. — А что, писать будете?

— Да вот, серию статей, говорят, надо. Осветить кое-что... Кое-кого, — помолчав, добавил Двуппер.

И воззрился на Аллу, словно она что-то недоговаривала. Они помолчали.

— До свиданья! Пойду я. — Двуппер оторвал ладони от столешницы с липким звуком отдираемой изоленты, справившись, видимо, с мыслями.

— Михаил Маркович, всегда рада видеть вас! Приходите.

Двуппер мелко потряс головой и вынес портфель.

Петр Кузьмич наговорил много и наобещал много. Серия статей. Ежевский и подельники. Криминал. Наркотики... Причастность. Минус — только самые одиозные наветы. Доступ к информации обеспечен, распечатки телефонных разговоров, кое-какие досье. Информации обещано много. В общем, похоже, решение принято на самом высоком уровне. Бубырево — ключевой район. Судя по всему, решено утопить конкурента. Я, так сказать, тебя породил... Значит, опасаются. Жаль, что на другом конце не заработать...

Двуппер провел пятерней по откинутым назад волосам и набрал номер на сотовом.

— Сережа, я бы подъехал. Угу... Поговорить надо. Посоветоваться, я бы сказал. Я быстро! В рамках трафика.

Продолжение следует.